«Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества[1]

Виктор ДЯТЛОВ

Китайский рынок в Иркутске «Шанхай», или в просторечии «Шанхайка», ушел в историю как важная часть экономической и общественной жизни города. Просуществовав более десяти лет, он был закрыт владельцем – муниципальными властями, несмотря на весомый вклад в городской бюджет и важную роль в снабжении малоимущих слоев. Это был результат политического решения, немного опередившего по времени соответствующие общегосударственные меры. Вскоре вышло правительственное постановление о частичном, а затем и общем запрете для иностранцев торговать на открытых рынках. Это совпало и с изменением экономической конъюнктуры, а возможно, и было предопределено этим. Время огромной роли в жизни российских городов оптово-розничных рынков под открытым небом явно уходило. Им на смену неумолимо шли современные и цивилизованные форматы – гипермаркеты, моллы и т. д.

Но закрытие «Шанхайки» не стало ее полным исчезновением. И дело не только в том, что ее обитатели тут же, как капли ртути, разбежались по другим иркутским рынкам. Правда, и эти рынки меняют свой формат и статус, преобразуясь в предприятия магазинного типа. В каком-то смысле уходят под крышу. Разошлись по другим рынкам и отчасти изменили форму своей деятельности и китайские торговцы. А ведь благодаря им в глазах иркутян «Шанхайка» была именно «китайским рынком», хотя в некоторые периоды ее истории китайцев среди его торговцев было не больше половины. Однако ни один из новых или трансформировавшихся старых рынков не стал в представлениях иркутян олицетворением «китайского рынка» как такового, несмотря даже на говорящие названия – «Маньчжурия», «Китайский рынок», «Пекин» и т. д.

---

[1] Первая публикация этой статьи осуществлена в тематическом номере журнала «Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение», подготовленного в рамках Программы стратегического развития ИГУ на 2012-2016 гг. проекты Р222-МИ-003, Р222-ОУ-037 (Дятлов В. И. «Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 103–119).

«Шанхай» сохранился в исторической памяти, мифологии городского сообщества, став символом большого комплекса отношений и связей. Говоря современным языком, он остался в Иркутске «виртуально». Даже само это название стало собирательным и насыщенным большим количеством новых смыслов, понятных нынешнему поколению без всяких объяснений.

Эта сторона жизни и деятельности рынка представляет большой самостоятельный интерес. Тем более что настоящее изучение такого важнейшего феномена, как гигантские оптово-розничные рынки российских городов девяностых – начала нулевых годов, начинается только сейчас, когда они стали достоянием истории. Возможно, в процессе изучения экономической истории недавнего прошлого станет более понятной роль этих институтов в качестве важнейшего элемента системы снабжения и жизнеобеспечения населения и логистических узлов формирующейся новой торговой системы. Будут выявляться внутренние механизмы их функционирования и сложнейшая система сложившихся там связей и отношений. Но нет уверенности в том, что предметом такого же интереса станет место рынка в городском сообществе в качестве места встречи различных культур, символа и мифа.

«Шанхайка» как хозяйствующий субъект

В 1990-х гг. во многих российских городах (а на востоке страны – в большинстве) появились «китайские рынки». «Китайскими» их делал соответствующий взгляд принимающего общества. Часто это и маркировалось названиями («Шанхай», или «Шанхайка», «Маньчжурия», «Китайский рынок» в Иркутске). Иногда названия были вполне нейтральны («Таганский ряд» в Екатеринбурге), но в глазах горожан это были именно «китайские» рынки, где китайские торговцы торгуют китайскими товарами по «китайским ценам» и в китайском стиле.

В Иркутске и далеко за его пределами самым известным стал оптово-розничный рынок «Шанхай». Немного о его истории и месте в жизни города. В начале 90-х гг. могло показаться, что центр Иркутска заполнили (по выражению некоторых журналистов – оккупировали) китайские коробейники. Они бросались в глаза внешним видом и манерой поведения, заслоняя собой многочисленных конкурентов из числа иркутян и мигрантов с Кавказа. Массовая торговля с рук на не предназначенных для этого улицах создавала там жуткую толчею и антисанитарию. Ни о ка-

ком лицензировании и взимании налогов не могло быть и речи. Процветал рэкет, мошенничество, были нередки конфликты. Бурно протестовала общественность, не оставалась в стороне пресса, публикуя саркастические или гневные заметки.

После периода некоторой растерянности городские власти решили выдавить уличную торговлю на специально отведенное место. Выбор этого места и предопределил успех дела. Под новый рынок отводилась территория разорившейся сапоговаляльной фабрики в исторически сложившемся торговом центре города, рядом с Центральным рынком. Здесь сходится большинство транспортных маршрутов. Сюда поколениями приезжают за покупками. Здесь торговцы смогли расширить свою клиентуру.

Возникнув как результат мер городских властей по упорядочению уличной торговли, «Шанхайка» быстро стала многим больше, чем обычная торговая площадка. Рынок был создан в ноябре 1992 г., а уже к лету на нем постоянно работало 500–600 продавцов. Их среднемесячная выручка (по расчетам Облстатуправления) равнялась месячному товарообороту всех официально зарегистрированных торговых предприятий центрального, торгового района Иркутска[1]. Вначале рынок выглядел вполне первозданно – огороженная забором и засыпанная гравием площадка, прямо на которой и раскладывались нехитрые товары. Вскоре возникла некоторая инфраструктура: ряды прилавков, навесы над ними, примитивные туалеты, камера хранения. В 2000 г. на территории 0,92 га располагалось 2 500 торговых мест. В 2002 г. по требованию пожарных властей была произведена реорганизация, при которой число мест сократилось до 1 300, а часть открытых прилавков была заменена на 982 «металлических павильона закрытого типа», в просторечии контейнера.

Рынок функционировал как розничный и мелкооптовый. По пятницам и субботам со всей области и даже из Улан-Удэ и Читы сюда съезжались предприниматели для оптовых закупок. Об их масштабах косвенно свидетельствуют данные криминальной статистики – бывали случаи, когда карманникам доставались суммы в десятки тысяч рублей и тысячи долларов[2]. Одновременно здесь могли находиться 20 тыс. человек, а дневная посещаемость колебалась от 10 до 30 тыс. человек[3].

---

[1] Вост.-Сиб. правда. 1993. 7 июля.
[2] Иркутск. 2003. 18 апр.; Комсомол. правда-Байкал. 2002. 27 сент.
[3] Пятница. 2002. 1 февр.; 24 мая.

«Шанхай» принадлежал городу и обладал статусом муниципального учреждения. Торговые места сдавались в аренду. С февраля 2002 г. дневная стоимость торгового места на открытом прилавке была повышена с 65 до 80 руб. (при оплате вперед и сроком на месяц). Однодневная оплата – 100 руб. Место в контейнере оценивалось в 240 руб. Поступления в городской бюджет от арендной платы достигли к 2004 г. 80 млн руб., еще 40 млн руб. приносил налог на вмененный доход[1].

Сложилась развитая обслуживающая инфраструктура. Безопасность обеспечивали милицейский пункт и частное охранное агентство. За чистотой следили 22 дворника. Камера хранения, несколько платных общественных туалетов. В соседних домах и усадьбах открылась масса незарегистрированных частных столовых, кафе, общественных туалетов. Имелись парикмахерская, фотография, платный переговорный пункт, стоматологический кабинет, биллиардная, залы игровых автоматов, собачьи бои. Прекрасно оборудованное нелегальное казино, чьи доходы доходили до сотен тысяч рублей в день. В марте 2004 г. было раскрыто подпольное предприятие по изготовлению поддельных документов. Тогда же была ликвидирована подпольная швейная мастерская. Но не было медпункта, системы канализации и водопровода[2].

На рынке было занято много иркутян. Помимо не очень значительного штата, это были нанятые местные продавцы, персонал столовых, кафе, хозяева помещений, сдаваемых под склады и жилье, хозяева и водители автотранспорта, грузчики, охранники и т. д. В основном «серая» занятость, не фиксируемая властями и не облагаемая налогами. Была и «черная» – многочисленные карманники, рэкетиры, коррумпированные чиновники и представители правоохранительных органов и т. д. О масштабах заработков и доходов в «сером» и «черном» секторах остается только строить предположения. Не стоит забывать о массе мелких розничных торговцев, регулярно делающих оптовые закупки.

В общем, «Шанхай» был крупным, прибыльным, процветающим хозяйствующим субъектом, одним из флагманов формирующейся рыночной экономики города. Источником стабильных доходов для городской казны, создателем дополнительных рабо-

---

[1] Пятница. 2002. 1 февр.; Иркутск. 2002. 22 февр; Известия/Иркутск. 2003. 8 мая; Вост.-Сиб. Шанхай. 2004. № 1, нояб.; Телеграмма председателя первичной профсоюзной организации «Торговое единство» М. М. Торопова Президенту РФ В. В. Путину (дек. 2006) // Архив авт.

[2] Иркут. торг. газ. 2003. 15 апр.; Видеоканал. 2001. № 36; СМ-Номер один. 2001. 22 июня; 2000. 18 авг.; Пятница. 2002. 11 окт.; 2004. 10 сент.; АС Байкал ТВ. 2003. 26 февр.; 29 апр.; Копейка. 2002. 27 сент.; Комсом. правда-Байкал. 2002. 27 сент.

чих мест, местом работы и получения доходов для многих иркутян. Но вряд ли верно определять его значение только этим. В конце концов, только рядом с ним находилось еще девять рынков, пусть и не таких масштабных. Всего же в Иркутске функционировало в начале нулевых годов около 40 рынков и более 2 000 магазинов, киосков и павильонов[1].

К этому времени «Шанхай» стал ключевым центром всей системы снабжения региона, его жизнеобеспечения. Этим он обязан нескольким факторам: массовые дешевые китайские товары, дешевый и эффективный труд китайских торговцев, разветвленная и прочная «грибница» связей и деловых взаимоотношений, стратегически выгодное место, устойчивые привычки потребителей. Роль рынка отчетливо выявилась в кризисный момент дефолта 1998 г. Он привел к резкому спаду экономической деятельности вообще, к тому, что «Шанхай» заметно опустел, многие торговцы разорились, начались перебои с поставками товаров, выросли цены, сократился спрос. Это был настоящий шок, экономическая деятельность китайских торговцев замерла. Но шок не перерос в обвал. Уже через две-три недели торговля начала оживать, хотя долго не могла достичь прежних масштабов по обороту, ассортименту товаров, численности торговцев и покупателей[2].

«Шанхай» – «китайский рынок»

Рынки стали (по традиции еще советских времен) притягательным центром для постоянно растущего потока мигрантов из «ближнего» и «дальнего» зарубежья. Это не только их рабочее место, площадка для реализации экономических амбиций. В качестве формы деловой активности и деловой культуры трудовых мигрантов они превратились в социальный организм, сгусток сетей социальных связей, инструмент самоорганизации и социального контроля. Став «местом встречи», они превратились в механизм и инструмент взаимной адаптации принимающего общества и мигрантов: там происходило привыкание к совместной экономической и социальной деятельности, персонификация, осознание взаимной зависимости. Конфликтные ситуации во многом были проявлением и формой интеграционного процесса.

---

[1] КоммерсантЪ – Восточная Сибирь. 2003. 7 марта; Вост.-Сиб. правда. 2002. 18 сент.; СМ-Номер один. 2000. 12 окт.

[2] Дятлов В. Китайцы в Иркутске: некоторые характеристики ситуации 1998–1999 гг. // Моск. Центр Карнеги. Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 86–89.

Концентрация мигрантов и их деловой активности на рынках сделала их в глазах окружающих «этническими» – «китайскими», «азербайджанскими», «кавказскими» или «среднеазиатскими». И в этом своем качестве они становятся важным элементом общественной жизни, предметом общественно-политических дискуссий и инструментом политического манипулирования. Хрестоматийными станут правительственные меры 2007 г. по изгнанию с рынков иностранных граждан. Меры эти, кстати, дословно повторяют стремительно обанкротившиеся кампании по «африканизации», прокатившиеся по большинству стран Африки в 1960–70-х гг.[1].

Насколько и чем этничны «этнические рынки» – это вопрос, требующий дальнейшего теоретического осмысления и анализа конкретных ситуаций. Так же как и более общая проблема «этничности «этнической экономики»[2]. Дискуссии по этому поводу позволяют сформулировать несколько важных для нас вопросов. Свидетельствует ли концентрация тех же китайских мигрантов на «китайских» рынках о том, что они выстраивают свой бизнес на этнической основе, что их деловые практики, сети, связи, взаимоотношения, механизмы социального контроля и регулирования детерминированы этничностью? Какова роль этничности в формировании отношений на рынках, в механизмах формирования и функционирования их сообществ? И существуют ли такие сообщества – ведь не исключено, что мы расцениваем в качестве таковых простые совокупности. Если же существуют – насколько в их основе лежит фактор этнического происхождения, этнического самосознания, связей на этнической основе? Что преобладает в логике поведения китайских торговцев-мигрантов на рынках – то, что они торговцы, или то, что они мигранты и китайцы?

---

[1] Дятлов В. И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М. : Наталис, 1996. С. 154–204.

[2] Aldrich H. E. Waldinger R. Ethnicity and Entrepreneurship // Annual Review of Sociology. 1990. Vol. 16. P. 111–135; Уолдингер Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели // Экон. социология. 2008. Т. 9, № 5. С. 30–55. URL: www.ecsoc.msses; Min Zhou. Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergencies, Controversies, and Conceptual Advancements // International Migration Review. 2004. Vol. 38, N 3. P. 1040–1074; Радаев В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. № 5. С. 47–53; Бредникова О. Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика : сб. ст. по материалам Междунар. семинара / под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 8. СПб. : ЦНСИ, 2000. С. 47–53; Рыжова Н. П. Феномен этнического предпринимательства: российское прочтение [Электронный ресурс] // Новые российские гуманитарные исследования. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=77).

Или противопоставление здесь излишне – и эти факторы работают в одном направлении, создавая кумулятивный эффект? Ответы можно и нужно искать через сравнение конкретных ситуаций.

«Китайские рынки» стали важнейшей частью инфраструктуры продвижения китайских товаров и механизмом завоевания и освоения новых рынков. Сюда направлены мощные товарные потоки из Китая, здесь формируются и концентрируются в руках мигрантов огромные финансовые ресурсы, просто оценить масштаб которых представляется важнейшей, хотя и очень трудной задачей. По мнению В. Г. Гельбраса, на них делается большая ставка в реализации правительственной стратегии «Идти вовне»[1].

Даже первый, поверхностный взгляд показывает, что именно здесь концентрируется значительная часть мигрантов из КНР. Это поле их экономической деятельности, место и механизм адаптации к принимающему обществу. Через изучение «китайских рынков» можно многое узнать о деловых практиках и деловой культуре мигрантов, их образе жизни, манере поведения. Это плацдарм, на котором вырос и окреп китайский капитал в России. Сейчас он уже пошел дальше, окреп, интегрировался. Осваивает новые, адекватные современным реалиям (экономическим и социальным) площадки, формы и механизмы деятельности. И это заставляет задуматься о перспективах. Что будет с китайским бизнесом в России с неизбежным уходом открытых рынков на периферию экономической жизни? Уйдут ли китайские капиталы, товары, рабочая сила из российской торговли или начнется более продвинутая стадия их интеграции и деятельности? Это решается сейчас – поэтому так важно посмотреть события и процессы недавней истории, на их фоне выделить элементы нового.

Через «китайские рынки» Китай вошел в российские города, в их обыденность и повседневность, стал неотъемлемой составной частью экономической жизни, быта, общественного сознания. Если вдуматься, теперь это основное место встречи цивилизаций и культур. Место и механизм постоянного контакта, взаимного узнавания и привыкания. Через отношение к «китайскому рынку» зачастую происходит социальное самоопределение представителей принимающего общества. Покупать или не покупать здесь – это символ их социального статуса и престижа.

Внимательный посетитель рынка быстро замечал, что в этом огромном скопище народа есть система. По словам директора

---

[1] Гельбрас В. Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М. : Муравей, 2004. С. 66–80.

«Шанхайки», «*на нашем рынке существует строгое распределение по видам товара… И мы, администрация рынка, не имеем к этому никакого отношения. Это уже неведомые нам силы расставляют торговцев на рынке. Есть разделение по национальному признаку в специализации на определенном виде товара*»[1]. Последнее обстоятельство делает неизбежным вопрос – а насколько китайским является «китайский рынок»? Уже в 1994 г., по словам журналистки, «*здесь, как на Ноевом ковчеге, «каждой твари по паре»… Промышляют тут торговцы разных национальностей: корейцы, китайцы, вьетнамцы, лаотяне, монголы, африканцы, арабы, афганцы, кавказцы, русские*»[2].

Накануне дефолта китайцы арендовали три четверти торговых мест. К 2002 г. здесь было более тысячи китайцев и корейцев, около трехсот вьетнамцев, полторы сотни кавказцев, шестьсот с небольшим русских, две сотни представители других национальностей. После реорганизации, когда число мест на рынке сократилось с 2 500 до 1 300, на рынке осталось 495 китайских и 485 русских торговцев. Все эти цифры давали в разное время представители администрации рынка[3]. Таким образом, китайцы преобладали количественно. Китайские товары, труд китайских торговцев, «китайские» цены – все это определяло общую атмосферу на рынке и твердую репутацию его как китайского у иркутян. Его директор заметил: «*Показательный момент на тему «кто есть кто на рынке»: когда во время недавней забастовки китайцы не работали, рынок опустел. Покупатели не воспринимают «Шанхай» без китайцев*»[4].

Самим названием «Шанхай» или «Шанхайка» рынок четко маркирован как китайский и безоговорочно являлся таковым в общественном мнении. Характерно, что это официальное в дальнейшем название первоначально было вполне неофициальным прозвищем. Самое главное, есть много оснований предполагать, что рынок превратился из площадки для торговли в сложный социальный организм, узел социальных связей и сетей, в том числе и на этнической основе. Что здесь сформировался и эффективно функционировал очаг, ядро социальной деятельности мигрантов, их общинной инфраструктуры, механизмов контроля и управления.

---

[1] Что почем. 1999. 16 дек.
[2] Лыкова М. Время «челноков» на исходе // Вечер. Иркутск. 1995. 22 апр.
[3] СМ-Номер один. 1998. 21 окт.; 2002. 28 марта; Иркут. торг. газ. 2003. 22 апр.
[4] Пятница. 2002. 1 февр.

Уже отмечалось, что видимое структурирование рынка – ряды по группам товаров и национальные блоки – сложилось не по инициативе администрации. По крайней мере, по ее утверждениям. Не обладала она и монополией на распределение мест. Следовательно, были и другие силы, обладающие властью и влиянием. Видимо, такой властью были неформальные лидеры, «капитаны» по распространенному определению иркутской прессы. Как правило, они хорошо владели русским языком и имели опыт общения с властями. В их обязанности входил сбор денег с рядовых торговцев для уплаты налогов и отчета в государственных налоговых органах. Таким образом, «капитаны» аккумулировали в своих руках средства с оборота китайских торговцев, представляли интересы коммерсантов-соотечественников и брали на себя функцию защиты этих интересов. Они оказывали разнообразные услуги новичкам, помогая им освоиться в чужом и незнакомом обществе.

Характерно, что представители официальной администрации рынка, комментируя конфликтные ситуации, связанные с распределением и перераспределением мест, часто подчеркивали, что принимают решения совместно с представителями китайских ассоциаций, обществ, которые они тут же называют иногда мафиями. Из их интервью видно, что это реальные игроки, с которыми необходимо считаться[1].

Круг этих «капитанов» и их типы достоверно описать трудно. На поверхности – активность зарегистрированных в Иркутске китайских национально-культурных обществ. Истории их возникновения, деятельности, роли в городе – предмет особого анализа. Здесь же необходимо отметить, что все они активно работали на рынке, отстаивая интересы своих кланов, вступая при этом в жесткие конфликты друг с другом.

По словам лидера «Китайского общества», «*мы хотим привить китайцам-предпринимателям навыки цивилизованной торговли, познакомить их с российским законодательством. Наша главная задача – научить наших соотечественников жить и торговать по российским законам*»[2]. На практике – это оказание консультационно-посреднических услуг, урегулирование постоянно возникающих проблем с властями, особенно налоговыми органами, неофициальное представительство консульства КНР.

Аналогичный набор задач зафиксирован в записи на членском билете «Ассоциации – Азия» (2006 г.). «*Все вопросы касаю-*

---

[1] Что почем. 1999. 16 дек.

[2] СМ-Номер один. 1999. 22 окт.

щиеся: истребования документов (ст. 93 НК РФ), выемка документов и предметов (ст. 92 НК РФ), а также недопустимость причинения неправомерного вреда при проведении налогового контроля (ст. 103 НК РФ), рассматриваются в соответствующей организации, членом которой является данный гражданин КНР»[1].

При необходимости эти общества используют такой ресурс, как официальный статус и возможность прямого обращения к властям. Характерна стилистика «Коллективной жалобы» на имя мэра Иркутска: «*Мы, члены Иркутской общественной некоммерческой организации «Китайское общество», от имени китайских торговцев с «Шанхайского рынка» и от имени всей многочисленной китайской диаспоры в России просим навести законный порядок на «Шанхайском рынке», официально именуемом «Торговая площадь*». Суть жалобы – незаконные поборы администрации рынка при регулярном перераспределении торговых мест. Общество требует согласовывать с ним все реорганизации, прекратить практику незаконных поборов, выделить китайским торговцам места, которые они сами делили бы между собой[2].

Общества – это реальная сила, но не единственная и, возможно, не преобладающая. Куда большим влиянием обладали крупные дельцы, настоящие хозяева рабочих мест, товаров, финансовых ресурсов. На них работали или от них зависели мелкие торговцы. Они обеспечивали реальное покровительство, формируя сети «патрон – клиент». Их экономическая мощь могла дополняться криминальным влиянием.

Конечно, о действенности этого механизма можно судить по косвенным признакам. Поэтому так важно описать и проанализировать сложившуюся практику коллективных действий. Острые конфликты на рынке и вокруг него выливались в забастовки торговцев, пикетирование ими администрации рынка, блокирование прилегающей улицы (одной из основных транспортных артерий города) и – как апофеоз – в массовое пикетирование зданий областной и городской администраций. Для китайцев, иностранных граждан, занимающихся бизнесом на весьма сомнительных правовых основаниях, а часто и пребывающих в городе «на птичьих правах», все это было сопряжено с немалым риском. Несанкционированная демонстрация и пикетирование органов власти – это акции политического характера. Санкции могли быть самые болезненные. На этом фоне даже огромные финансо-

[1] Архив автора. Грамматика и пунктуация оригинала сохранены.
[2] Архив автора.

вые потери от каждого дня простоя рынка кажутся мелочью. Поэтому массовое участие предполагает, помимо мощной мотивации, высокую степень готовности и способности к самоорганизации, жесткой групповой дисциплине, наличие авторитетных лидеров, санкций за неподчинение и т. д.

«Шанхайка» – проблемы для города

Дешевизна товаров и эффективность торговцев рынка вызывали сложное отношение у местного делового сообщества. Многие получали несомненные выгоды и осознавали это. Но «Шанхайка» и его обитатели – это конкурент, причем конкурент сильный и опасный. Вряд ли случайны соответствующие регулярные кампании в прессе, не менее регулярные попытки закрыть рынок. Была оборотная сторона медали и у выгодного места расположения рынка. Это транспортные пробки и проблема транспортной безопасности на окрестных улицах. Каждый квадратный метр площади в этом районе города дорог и крайне дефицитен. Поэтому динамично растущий рынок не мог расширяться. Отсюда скученность, чрезмерная нагрузка на каждый клочок земли, тесные проходы между прилавками. Пожар, террористический акт, просто паника могли привести к большим жертвам. Территория рынка была плохо обустроена – не было обычной и ливневой канализации, водопровода. Площадка не заасфальтирована. Отсюда антисанитария – грязь под ногами во время дождей, убогие, но платные туалеты. Санитарные власти неоднократно выносили постановления о закрытии рынка, но после соответствующих обещаний администрации отзывали эти запреты[1].

Прямо на территории, в вагончиках, в прилегающих домах действовало много столовых, кухонь, кафе, закусочных. Есть они и сейчас. Сколько точно – неизвестно. Они не испытывали недостатка в клиентах – их продукция дешева, ориентирована на разные вкусы (есть китайская, узбекская, корейская, вьетнамская и т. д. кухня). Большинство из них действует подпольно и потому налогов не платит. Санитарные врачи с ужасом описывают, в каких антигигиенических условиях, с нарушением всех мыслимых норм, готовится там пища. Все попытки пресечь их деятельность, а тем более ввести их в легальное русло, заканчивались неудачей[2].

---

[1] СМ-Номер один. 1998. 22 апр.; Иркутск. 1998. 18 мая.

[2] СМ-Номер один. 2000. 7 сент.; Известия/Иркутск. 2003. 26 сент.; Пятница. 2003. 21 марта; Комсомол. правда – Приангарье. 2003. 24 апр.; 14 мая; Информ. агентство Baikalinfo. Новости Иркутска. 2004. Вып. 86. 19 янв.

Рынок интенсивно втягивал в свою орбиту прилегающие дома, превращая их в склады товаров, ночлежки, подпольные забегаловки и притоны, а их усадьбы – в свалки мусора. Некоторые предприимчивые жильцы выстроили здесь примитивные платные туалеты. И раньше этот район был трущобным, теперь же жизнь его обитателей стала невыносимой. В прилегающих к рынку домах регулярно вспыхивают пожары. И жители домов, и иркутские СМИ единодушны в том, что это форма борьбы за захват (возможно, уже передел) городской земли, которая при самых небольших вложениях обещает стать настоящей «золотой жилой».

Рынок стал источником повышенной криминальной опасности. Это, в общем-то, естественно и неизбежно для места, где концентрировались огромные финансовые и товарные потоки и где на небольшом пятачке ежедневно встречались тысячи людей. Карманники, мошенничество в самых разных формах. Отдельная тема – рэкет. По оценке заместителя президента Иркутской ассоциации по защите китайских граждан Михаила Ли, «*раньше моих земляков крышевали. Хотя это выглядело как обычное вымогательство. Когда предприниматель приезжал из Китая со своим товаром, с него брали мзду – за каждый баул по 50 долларов. Сейчас такое тоже есть, но проявляется уже не так активно, как раньше*»[1].

По оценкам наиболее заинтересованных ведомств, вслед за «челноками» в Иркутск потянулись и криминальные элементы. Со временем их деятельность приобретает организованный характер – от простого грабежа соотечественников к контролю и регулированию.

Фискальные службы постоянно жаловались на огромные потери от массовой неуплаты налогов торговцами. По данным налоговой полиции, более 70 % из них недоплачивали налоги или не платили вовсе. Результаты очевидны – большие финансовые потери государства, получение китайским бизнесом нечестных конкурентных преимуществ, дискредитация налоговых и правоохранительных органов.

Это провоцировало формирование системы теневых поборов. Тема это деликатная, сложная для обсуждения и анализа. Очень мало информации. И только в ситуациях острых и открытых конфликтов проблема становилась предметом общественного рассмотрения. В 1999 г., когда было сокращено количество торговых мест, это вызвало массовый митинг и пикетирование здания администрации рынка. Протестующие торговцы заявля-

[1] Иркут. торг. газ. 2003. 27 мая.

ли, что их лишили мест, за которые они заплатили по 1,5–5 тыс. долл. Теперь, за возобновление права на аренду места с них требовали по 5–15 тыс. руб. Представители администрации рынка категорически опровергли саму возможность поборов. Они предположили, что сами китайские торговцы перепродают друг другу право на аренду торговых мест, причем контролирует этот процесс «китайская мафия»[1].

В ноябре 2001 г. произошла недельная забастовка торговцев, вылившаяся уже в несанкционированный митинг у здания областной администрации. По словам чиновника мэрии, митингующие возмущались непомерной платой. «*Правда, за что они платят, кому и чем конкретно недовольны, понять так и не удалось. Моя задача заключалась в том, чтобы разъяснить порядок проведения митинга, т. е. ввести все действия в законное русло*». Журналистам же бастующие говорили, что, помимо официальной арендной платы, с них требовали еще по 800 долл. в год за место. Администрация рынка вновь саму возможность этого категорически отвергала и считала причиной беспорядков «нервозность» тех торговцев, у которых при очередном перезаключении договоров выявилось «шаткое визовое положение»[2].

О масштабах теневых поборов ходили самые фантастические слухи. Одна из газет писала: «*О баснословных доходах торговцев говорит такой факт: чтобы получить торговое место на «Шанхае», необходимо заплатить 18 тысяч долларов*». Цифра, конечно, запредельная, но само явление властями признавалось. «*Что касается других рынков,* – комментирует журналист, – *то представители муниципалитета заявляют как общеизвестный факт наличие неофициальной арендной платы наряду с официальной. То есть дополнительные суммы берут с предпринимателей «черным налом»*[3].

Процветали милицейский произвол и вымогательство. По мнению большинства китайских респондентов, иркутские милиционеры считают их людьми второго сорта и «дойной коровой». Любой служащий МВД, вплоть до сотрудников ГИБДД и вневедомственной охраны, в униформе мог проверять документы у китайских торговцев и собирать штрафы. Естественно, без квитанции. Уникальным событием стал приговор Иркутского областного суда в отношении капитана налоговой полиции, обвинен-

---

[1] Что почем. 1999. 16 дек.; Моск. комсомолец в Иркутске. 1999. 9 дек.
[2] Что почем. 1999. 16 дек.; СМ-Номер один. 2001. 1 нояб.; 5 нояб.; 6 нояб.; 12 нояб.; Комсомол. правда – Байкал. 2001. 2 нояб.; КоммерсантЪ – Вост. Сибирь. 2001. 3 нояб.
[3] Вост.-Сиб. вести. 2003. 27 мая; Иркутск. 2003. 18 апр.

ного в грабеже, взяточничестве, вымогательстве и избиении китайских торговцев «Шанхайки». Полицейский, прозванный торговцами за свой нрав «Эдиком-собакой», был осужден на восемь лет с конфискацией имущества[1].

И наконец, проблема нелегальной миграции. Теоретически нелегальных торговцев не должно быть вовсе – арендовать место можно только при верно оформленных документах (с временной регистрацией, визой и свидетельством о предпринимательской деятельности). Практика показывала иное. Сами администраторы рынка признавали, что часть арендаторов обладают весьма сомнительным правовым статусом. Об этом недвусмысленно говорили и результаты регулярных проверок паспортно-визовой и миграционной служб.

Местные жители участвовали в жизни рынка не только в качестве покупателей. Реально он давно стал интернациональным, что и заставило взять в кавычки словосочетание «китайский рынок». Сложился большой слой местных жителей, профессионально обслуживающих рынки или непосредственно на них работающих в разных качествах. Повседневное общение и сотрудничество вели к парадоксальному на первый взгляд результату – уровень межэтнической конфликтности здесь минимален. Хотя, казалось бы, сам акт торговли конфликтен по условию, а когда представители разных этнических групп находятся по разные стороны прилавка, это не может не провоцировать взаимного недовольства и конфликта. Однако преобладало понимание взаимной полезности и необходимости.

Закрытие «Шанхайки»

С первых же дней существования рынка было объявлено о его временности. Об этом постоянно заявляли представители городских и областных властей, руководители пожарных, правоохранительных, санитарных служб. От властей требовали закрыть «эту клоаку», а те охотно обещали это сделать. Но рынок эффективно функционировал тринадцать лет, пережив даже эпидемию атипичной пневмонии в 2003 г. Это был прекрасный повод для атаки. Два вице-губернатора жестко потребовали от мэрии закрыть рынок по соображениям эпидемиологическим, а также

[1] Китайский «синдикат» // Родная земля. 2001. № 10. 26 марта; Богданов Л. Вымогатель в полицейском мундире // Вост.-Сиб. правда. 2001. 12 марта.

безопасности и общественного порядка. В очередной раз заявили о необходимости радикально решить проблему депутаты Городской Думы. Заместитель мэра, проинформировав, что стратегическое решение о переносе «Шанхайки» принято еще в 2002 г., заявил, однако, что дело это не простое и не быстрое. Рынок дает горожанам 1,5 тысячи рабочих мест и миллионы рублей в городской бюджет. «*Популизм,* – заявил он, – *не метод решения проблем «Шанхая»*[1].

Однако в сентябре 2006 г. городская администрация все же ликвидировала рынок. Это встретило отчаянное сопротивление торговцев: подавались иски в Арбитражный суд, проводились публичные акции (пикеты, перекрытие улиц), подписывались коллективные обращения, распространялись листовки, был организован профсоюз работников рынка, его представители встречались с мэром. Дело дошло до телеграммы президенту страны. Городские власти оказались непреклонными. На организованное сопротивление они ответили конфронтационной риторикой, обычно им не свойственной. Единственной уступкой стала отсрочка закрытия рынка до начала 2007 г.

По словам представителя мэрии, по новому закону о местном самоуправлении город был обязан к 2009 г. продать все свои коммерческие учреждения[2]. Не исключено, однако, что причиной решительности и непреклонности стало то, что, как проницательно заметила журналистка, «*рынок «Шанхай» стал символом целой эпохи*»[3]. Проблема «Шанхайки» переместилась в символическую плоскость. Она олицетворяла «*китайскость*», трущобность («клоака»), неприкрытую бедность («рынок для бедных»), огромные финансовые потоки и подозрения в том, что городские чиновники используют их не по назначению. Для муниципальной власти рынок был не только источником доходов, но и головной болью. «Шанхайка» была только частью единой торговой площади, на которой расположены еще несколько частных рынков, создающих абсолютно такие же проблемы для города. Та же трущобность, антисанитария, скученность, транспортные проблемы, запутанные финансовые и налоговые проблемы, те же китайцы (по некоторым оценкам, до трех тысяч человек)[4]. Но об их закрытии речь не шла.

---

[1] Иркутск. 2003. 18 апр.; Пятница. 2003. 11 апр.; СМ-Номер один. 2003. 10 апр.; Вост.-Сиб. правда. 2003. 13 мая.

[2] Байкал. вести. 2006. № 12.

[3] Трифонова Е. Шанхайское «ополчение» // Вост.-Сиб. правда. 2006. 2 нояб.

[4] РИА «Сибирские новости». Иркутск. 2006. 1 нояб.; Телеграмма председателя первичной профсоюзной организации «Торговое единство» М. М. Торопова Президенту РФ В. В. Путину (дек. 2006) // Архив авт.

«Шанхай» ликвидирован как хозяйствующий субъект, ушел в прошлое как торговая площадь. Означает ли это прекращение деятельности *китайского рынка* в городе? Показательна реакция китайских торговцев. Чрезвычайно активные, боевитые, организованные, способные на риск во время борьбы за передел ресурсов рынка, они полностью отстранились от борьбы за его спасение. Это выявилось еще на стадии подспудной борьбы в администрации города, в ходе которой и было принято решение о закрытии. Тогда, в ноябре 2004 г., произошло уникальное для России событие – была создана газета под замечательным названием «Восточно-Сибирский Шанхай». В разговоре с автором его основатель и журналисты подчеркивали, что инициатива и ресурсы исходили от русских торговцев и что главная задача газеты – воздействовать на общественное мнение иркутян с целью сохранения рынка. Газета выходила до лета 2005 г. (около десяти выпусков) 20-тысячным тиражом и довольно умело и профессионально боролась за жизнь рынка. Осенью 2006 г. в арьергардных боях также участвовали только русские торговцы.

Китайский рынок перерос границы официального «Шанхая», соответствующая инфраструктура переместилась на другие торговые площадки города, особенно соседние. Бывший директор «Шанхайки» в частном разговоре с автором отметил, что экономический смысл закрытия рынка остался ему непонятен. А что касается китайцев, то «*когда захожу на соседний, более современный рынок «Площадь Павла Чекотова», вижу знакомые лица с «Шанхайки»*». Фактически сформировался «Большой Шанхай». И решение городских властей обрушилось только на символ китайского рынка.

«Жизнь после смерти»?

Закрытие «Шанхайки» остро поставило вопрос о судьбе китайского бизнеса в условиях радикального снижения экономической роли открытых рознично-мелкооптовых рынков и мер по их административному выдавливанию. Что будет в этой ситуации с их китайской ипостасью? Каковы перспективы китайских торговцев, китайского бизнеса? «Китайские рынки» – «уходящая натура»? Феномен, который сыграл свою роль – и роль огромную, – а теперь власть при явном одобрении значительной, возможно даже преобладающей, части общества добивается его ликвидации?

Внимание исследователей привлекли только немногие «китайские рынки» страны. Поэтому об общих тенденциях можно

говорить только предположительно. С этой важной оговоркой можно констатировать, что если неорганизованный «челночный» бизнес и преобладал, то только на ранних стадиях формирования феномена. Довольно быстро крупные предприниматели или корпорации установили контроль над деятельностью рынков, используя экономические и внеэкономические («патрон – клиент») механизмы подчинения мелких торговцев. Китайский бизнес эффективно функционировал, используя труд китайских мигрантов, но мог обходиться при необходимости и без них или с их минимальным участием, делая упор на китайские товары, капиталы и менеджмент. Ключевой здесь видится функция продвижения китайских товаров. Уверенно же можно говорить о том, что за два прошедших десятилетия китайский капитал, китайские товары, труд китайских торговцев стали важным, необходимым и интегральным компонентом принимающей экономики. И важнейшим инструментом этого были «китайские рынки».

Потеряв прежние позиции, рынки под открытым небом вряд ли исчезнут окончательно. Будут существовать «блошиные рынки», и на них найдется место новичкам – мигрантам. Поэтому и «китайские рынки» в прежнем формате, скорее всего, останутся, хотя и будут оттеснены на окраины городов и периферию экономической жизни. Однако кластеры, «сгустки» китайской торговли, в том числе и розничной, не исчезнут благодаря освоению новых торговых форматов. Залогом этого является то, что китайский бизнес в России накопил большие ресурсы (не только капиталы, но знания, опыт и связи). Он продемонстрировал огромную адаптивность к суровым и стремительно меняющимся условиям. Он не откажется и от такого мощного ресурса, как опора на общинность и клановые связи и механизмы.

В ответ на правительственные меры по вытеснению иностранцев с рынков были мгновенно и эффективно задействованы система подставных лиц, маневра ресурсами, механизм смены юридического статуса[1]. На смену открытых «шанхаев» идут крытые пассажи, торговые ряды и супермаркеты с китайскими капиталами, товарами и рабочей силой. Иркутский «Шанхай» ликвидирован как юридическое лицо. И тут же расцвел рынок «Маньчжурия», открыт торговый комплекс «Пекин».

---

[1] Михайлова Е., Тюрюканова Е. Мигранты в розничной торговле: эффект запретов // Новое миграционное законодательство Российской Федерации: правоприменительная практика / под ред. Г. Витковской, А. Платоновой, В. Школьникова / МОМ, ФМС России, ОБСЕ. М. : АдамантЪ, 2009. С. 237–265. (Электронная версия: Демоскоп Weekly. 2009. № 367–368. (URL: http://demoscope.ru/weekly/2009/0367/s_map.php).

В 2012 г. городские власти резко активизировали борьбу с комплексом из одиннадцати открытых рынков в районе Центрального рынка («большим Шанхаем»). Они принадлежат частным владельцам, поэтому просто закрыть их (как собственно «Шанхайку», которая была муниципальным предприятием) власти не могут. Аргументация властей та же – антисанитария, трущобность, помехи дорожному движению, массовые правонарушения, «*китайскость*». Кроме того, с 2014 г. вступают в силу новые нормы закона «О розничных рынках», по которым в городах, имеющих численность населения свыше 100 тыс. человек, торговля может осуществляться только в капитальных строениях. Мэр Иркутска потребовал от хозяев рынков возвести современные торговые центры с парковками или перебраться из центра города, угрожая в случае неповиновения «навести порядок» с помощью интенсивных рейдов и проверок санитарных, пожарных, миграционных служб, Роспотребнадзора и т. д.[1].

Одновременно при участии городских властей на этой территории был открыт новый торговый центр «Шанхай-сити молл». Хозяева рынка специально подчеркнули: «Прежнее название рынка «Шанхай» решили сохранить, потому что это популярное у горожан место, где можно недорого купить любые вещи»[2]. Стремление использовать популярный бренд отражено в заголовках комментариев иркутских СМИ: *«Новая «Шанхайка» открылась в Иркутске», «На территории китайского рынка в центре Иркутска открылся современный торговый центр»*. Подчеркивание символической реинкарнации рынка говорит и о том, что само слово «Шанхай» обрело новые устойчивые коннотации, превратившись из имени собственного в имя нарицательное.

Название великого китайского города заметно обогатило словарь русского языка. Еще в XIX в. появилось слово «зашанхаить» (обманным путем, чаще всего в пьяном виде, заманить на корабль людей для службы матросами; такой вид «вербовки» особенно процветал в Шанхае). В начале XX в. многие российские города обзавелись собственными «шанхаями» – трущобными пригородами. «Копай», «самострой», «нахаловка», «Шанхай» стали отечественными синонимами экзотичных зарубежных фавел и бидонвилей, символом Китая и образом чудовищной людской

---

[1] Вост.-Сиб. правда. 2012. 6 нояб.; 11 дек.; СМ-Номер один. 2012. 18 окт.; 15 нояб.; Эксперт – Сибирь. 2012. № 46 (354). 19 нояб.

[2] Иркутск-350 [Электронный ресурс] : город. сайт. URL: http://www.irkutsk-350.ru/news/city_and_region/ 39795/.

скученности и нищеты. Эти значения уже начинают входить и в современные толковые словари. Вот несколько соответствующих словарных статей:

Шанхай – 1. Притон. 2. Хаотично застроенная окраина города, поселок.

Шанхай, -я, **Шанхайчик,** -а, *м.* 1. Пивная (обычно многолюдная, без сидячих мест). 2. Трущобы, густонаселенный район.

Ср. уг. в зн. притон; от назв. города с многомиллионным населением (КНР)[1].

Глубоко символично, что возникший в начале 1990-х гг. в Иркутске китайский рынок сразу вошел в сознание горожан и их лексикон как «Шанхай» или «Шанхайка». Возможно, в этом, теперь уже ставшем русским слове слились все накопленные в предыдущую эпоху значения – «китайскость», трущобность, скученность и многолюдство. В 2007 г. на форуме «Городские диалекты» сайта ABBYY Lingvo обсуждается вопрос о том, что слово «Шанхайка» стало (или становится) нарицательным, со значением «китайский рынок трущобного типа; стихийный рынок вообще»[2].

* * *

Китайский бизнес пришел в Россию навсегда. Он будет меняться, приспосабливаться к экономической и политической конъюнктуре, но не уйдет. Он уже перестал быть чужеродным для экономической и общественной жизни России, стал своим и необходимым. Теперь это неотъемлемая часть российской социально-экономической системы. А обогащение словаря русского языка новыми словами типа «Шанхая» или «Шанхайки» свидетельствует о том, что теперь это уже часть культуры.

---

[1] Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона. В 2 т. От Р до Я. М. : Кампана, 1997; Елистратов В. С. Словарь московского арго (материалы 1980–1994 гг.). М. : Рус. словари, 1994. С. 561.URL: http://slovari.gramota.ru/portal_sl.html?d=elistratov&s=шанхай.

[2] ABBYY Lingvo. Городские диалекты [Электронный ресурс]. URL: http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=109096.